Диалектизмы в раннем рассказе Л. Н. Толстого «Утро помещика»

Рассказ «Утро помещика» впервые был опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1856 году, № 12. Он посвящен описанию жизни предреформенной русской деревни во всей ее сложности и противоречивости. Порожденная крепостническими отношениями страшная нищета и забитость русского крестьянина со всей очевидностью вставала со страниц толстовского рассказа, придавая ему резкий социально-обличительный характер. Высокую оценку рассказу «Утро помещика» дал Н. Г. Чернышевский в статье «Заметки о журналах», опубликованной в первом номере «Современника» за 1857 год. Главное достоинство толстовского рассказа Н. Г. Чернышевский увидел в «верности натуре». Чернышевский подчеркивал, что Толстой в этом рассказе «с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта поселян, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи», что «в крестьянской, избе он так же дома, как в походной палатке кавказского солдата» [1:682]. Высоко оценил «Утро помещика» в

письме А. В. Дружинину от 13 января 1857 г. И. С. Тургенев. Он нашел в «Утре помещика» «мастерство языка, рассказа, характеристики великое» [2:85].

«Верность натуре», «мастерство языка великое» Толстого проявляется прежде всего в отборе языковых средств, с помощью которых в «Утре помещика» описывается крестьянский быт, создаются образы крестьян, их речевые характеристики.

Наряду с общеизвестными, литературными словами Л. Н. Толстой в своем рассказе мастерски использует диалектизмы всех видов: собственно лексические, словообразовательные, семантические, морфологические и синтаксические, причем в «Утре помещика» преобладают собственно лексические и словообразовательные диалектизмы: **новина** урожай нового года **бачка** отец, **детенок** ребенок, **дитя**, **гладух** толстяк, **мшеник** амбар, **осик** огороженный участок леса с ульями, **пасека**, **гуторить** говорить, **попритчиться** случиться, **полюбиться** понравиться, **поснедать** поесть, **оправить** поправить, **скородить** бороновать, **вестимо** конечно, **зачать** начать, **трудить** утруждать, **беспокоить**, **запрошлый** прошлый, **неспорно** бесспорно, **супротив** против, **надо**ти надо, **нетути** нет и др. Используются в рассказе и этнографические диалектизмы - названия специфически местных предметов крестьянского быта, одежды, обуви и т. п.: **панева** клетчатая, обычно шерстяная юбка, сшитая из нескольких полотнищ ткани [4, III:15], **коты** женская обувь, род полусапожек, ботинок с высокими передами [4, II:179], **зыбка** колыбель, люлька, качалка [4, I:697] и др.

Основная масса диалектизмов встречается в речи крестьянских персонажей, однако имеются они и в речи девятнадцатилетнего помещика Дмитрия Нехлюдова, и в авторской речи. При этом речь автора в отличие от речи персонажей свободна от диалектизмов фонетических, морфологических и синтаксических. В авторской речи употребляются, как правило, собственно лексические диалектизмы, обозначающие предметы деревенского быта, не имеющие однословных номинаций в литературном языке. В авторском повествовании диалектизмы выполняют важные стилистические функции: они служат для создания местного крестьянского колорита, реалистического показа быта крестьян, их труда, обозначают специфически сельские реалии: **срубец**, **клеть**, **завалина**, **мшеник**, **осик**, **панева**, **коты**, **кичка** и т. п.

Так, вместе с Дмитрием Нехлюдовым читатель попадает в крестьянскую избу и, прежде чем увидеть самого хозяина, знакомится с его бедной обителью. Описывая крестьянское жилье, Толстой вполне закономерно использует диалектизмы: *Жилище Чурисенка составляли: полуснивший, подопрелый с углов сруб, погнувшийся набок и вросший в землю так, что над самой навозной завалиной виднелось одно разбитое красное волоковое оконце с полуоторванным ставнем, и другое, волчье, заткнутое хлопком. Рубленные сени с грязным порогом и низкой дверью, другой маленький срубец, еще древнее и еще ниже сеней, ворота и плетеная клеть лепились около главной избы* [3:325]. Знакомя читателя с Юхванкой и его молодой женой, Толстой описывает их крестьянский наряд также с помощью диалектных слов: *На ней была чистая, шитая на рукавах и воротнике рубаха, такая же занавеска, новая панева, коты, бусы и вышитая красной бумагой и блестками четверугольная щегольская кичка* [3:338]; *На нем была праздничная рубаха с ярко-красными ластовиками, полосатые набойчатые портки и тяжелые сапоги с сморщенными голенищами* [3:339].

Особенно широко Толстой использует диалектные элементы для создания речевой характеристики своих крестьянских героев, носителей южнорусского, тульского диалекта. Диалектизмы придают естественное звучание речи крестьян, подчеркивают их индивидуально-психологические социальные и локальные особенности, выступая таким образом в качестве характерологических фактов. Л. Н. Толстой правдиво отражает в своем рассказе, носящем очевидный автобиографический характер, знакомый с детства тульский диалект. Яркое подтверждение этому — речь крестьян из «Утра помещика». В речи крестьян встречаются диалектизмы всех видов. Употреблением лексических, фонетических, морфологических диалектных элементов и синтаксических конструкций, характерных для тульской диалектной речи, Л. Н. Толстой добивается индивидуализации речи крестьянских персонажей. Особенно показательна в этом плане речь бедного крестьянина Ивана Чурисы, Арины, матери Давыдки Белого, кормилицы, няни. В речи этих героев с помощью диалектно-разговорных элементов и конструкций оттеняется поэтичность их натуры, пластичность и музыкальность простого крестьянского языка. Писатель мастерски вводит в речь своих героев устойчивые конструкции русской живой народной речи: тавтологические обороты и повторы фольклорного характера, пословицы и поговорки, под-

черкивающие народную мудрость и поэтичность. Речь крестьян «Утра помещика» чрезвычайно выразительна, красочна, экспрессивна именно потому, что она оправданно и в нужной мере насыщена диалектизмами. Особенно выразительна речь Арины, Давыдкиной матери: — *Ведь добро бы мужик хворый был, — с тою же живостью и теми же жестами продолжала Арина, — а то ведь только смотреть на него, ведь словно боров с мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладух какой! Нет, вот пропадает на печи лодырем. Возьмется за что, так не глядели бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая с боку на бок своими угловатыми плечами... — Загубил он меня, сироту! — взвизгнула она вдруг, размахнув руками и с угрожающим жестом подходя к сыну. — Гладкая твоя морда лядящая, прости господи!... Ведь все одна, кормилец Старик-от мой хворый, старый, да и тоже проку в нем нет, а я все одна да одна. Камень, и тот треснет. Хоть бы помереть, так легче было б: один конец. Заморил он меня, подлец! Отец ты наш! мочи моей уж нет! Невестка с работы извелась и мне то же будет [3:350-351].*

Насыщенность толстовского рассказа диалектизмами вызвана, на наш взгляд, не только характеристическими целями, но и стремлением писателя приблизить читателя к своим крестьянским героям, к обстановке русского крестьянского быта, создать у него настроение, близкое к настроению чуткого наблюдателя, доброго собеседника крестьян, каковым выступает в рассказе молодой помещик князь Нехлюдов, Степень насыщенности речи девятнадцатилетнего помещика Нехлюдова диалектными элементами различна: она находится в строгой зависимости от того, с кем из крестьян он разговаривает. В разговоре с теми крестьянами, к которым Нехлюдов относится с глубоким сочувствием и симпатией — пятидесятилетним Чурисом, Юхванкой, Давыдкой, Ариной, матерью Давыдки — он старается максимально приблизить свою речь к их простонародной речи. При этом пересыпает свою речь не только лексическими диалектизмами, но и синтаксическими конструкциями, свойственными живой диалектной речи: — *Опять! — с досадой сказал молодой барин, пожмая плечами, — отчего же ты больна, а не приходишь сказаться в больницу? Ведь для этого и больница заведена. Разве вам не поведали? [3:328]; — Ты приходи нынче на сходку; я миру поговорю о твоей просьбе; коли он присудит тебе избу дать, так хорошо, а у меня уж теперь лесу нет. Я от всей души желаю тебе помочь; но коли ты не хочешь пересилиться, то дело уже не мое, а мирское [3:333]; ...Коли тебе в чем-нибудь нужда, то приходи ко мне, попроси прямо, что нужно и зачем, и не лги, а всю правду скажи... [3:344]; — А господский-то откуда? (хлеб — Л. Б.) рассуди-ка сам, кто под него вспахал? заскородил? кто его посеял, убрал? мукички? так?.. Ведь коли бы все, как ты, на боку лежали, так мы давно все бы на свете с голоду умерли [3:349].*

Л. Н. Толстой мастерски вводит диалектизмы в ткань своего художественного повествования. Хотя отдельные местные слова вне контекста и не совсем понятны читателю, в рассказе их необычность не замечается. Толстой не делает никаких замечаний и разъяснений относительно диалектных слов, их характера и области употребления, не объясняет диалектных слов ни в авторской речи, ни в речи персонажей, не дает подстрочного толкования. Диалектные слова вводятся Толстым в контекст, позволяющий уяснить их семантику, диалектным элементам в авторском повествовании, как правило, сопутствуют контекстуально образуемые литературные эквиваленты либо те или иные указания на них. Указания на литературные соответствия могут содержаться и в самих диалектных образованиях. При этом известную роль играет прозрачность внутренней формы диалектного слова. Например, в следующем контексте: *Конец водноса не покачивался, а плотно лежал на ее широком и твердом плече [3:338]; Юхванка долго улыбался, переминался, и только тогда, когда Нехлюдов сердито крикнул: «Ну! что же ты? — бросился под навес, принес обротъ и стал гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди. ... Он покраснел, выпустил уши лошади и, без помощи оброти, открыл ей рот, посмотрел в зубы... [3:342].*

Л. Н. Толстой умело использует синонимические ряды и антонимические пары для ввода диалектизмов в текст повествование, для их ненарочитого толкования. При этом один из компонентов синонимического или антонимического ряда является литературным, другой — диалектным. Приведем отдельные примеры: — *Да, избы славные, сухие и теплые, и от пожара не так опасны, — возразил барин, нахмурив свое молодое лицо, видимо недовольный насмешкой мужика. — Неспорно, ваше сиятельство, избы важные (3:330). Семантический диалектизм важные в данном контексте является синонимичным общеизвестному славные в значении “отличные”,*

“прекрасные”. У Даля находим: «Важный. Кур. тмб. отличный, прекрасный, превосходны!» [4, I:159]. Семантический диалектизм **важные** органически вписывается в толстовский контекст и благодаря параллельному употреблению литературного синонима **славные** становится понятным читателю. Ср. аналогичный прием «прояснения» семантики диалектного слова с помощью литературных синонимов в следующих контекстах: — *Вот моя подмога вся тут, - продолжал Чурис, указывая на белоголового шершавого мальчика лет семи... — Вот и подсобка моя вся тут, продолжал звучным голосом Чурис, проводя своей шершавой рукой по белым волосам ребенка, — когда его дождешься? а мне уж работа невмочь* [3:334]; — *То и осмелюсь вам доложить, что напрасно старуха вас трудила. Она старуха умная и хозяйка; да что ж господина из-за всего беспокоить?* [3:336]. С этой же целью использует Толстой и антонимы. Например, в следующем контексте: — *...Будешь трудиться- и я буду помогать; с божиею помощью и поправишься. — Уж не то, что поправиться, а только бы не совсем разориться, ваше сиятельство, — сказал Чурис, принимая вдруг серьезное, даже строгое выражение лица, как будто весьма недовольный предложением барина, что он может поправиться* [3:337]. Употребление в этом контексте антонимов **поправиться** — **разориться** проясняет читателю значение семантического диалектизма **поправиться** “выйти из бедственного положения, окрепнуть”.

Включая диалектные слова в языковую ткань своего рассказа, Толстой пользуется ими на равных правах с лексикой литературного языка. Для этого требуется большое мастерство. Местоименное, диалектное слов не должно нарушать единства высказывания или описания, не должно восприниматься как инородное вкрапление в художественный контекст. Молодой Л. Толстой с этой задачей блестяще справился. У Л. Толстого диалектная лексика является полноправной не только в речи крестьянских персонажей, но и в авторском повествовании. Л. Толстой не делает в тексте никаких замечаний и разъяснений относительно диалектных слов, их характера и области употребления, как это делал И. С. Тургенев в «Записках охотника». У Л. Толстого иная манера пользования народным диалектным словом. В отличие от Тургенева Толстой никогда не объясняет диалектных слов ни в авторской речи, ни в речи персонажей.

Этому принципу ввода диалектизмов в ткань художественной прозы Л. Н. Толстой остался верен и в своих зрелых произведениях («Война и мир», «Живой труп», «Анна Каренина» и др.)

В принципах отбора и приемах использования диалектных средств русского языка в раннем рассказе «Утро помещика» проявилась творческая индивидуальность молодого Л. Толстого, своеобразие его манеры письма. Рассказ «Утро помещика» закрепил за Л. Толстым славу одного из первых писателей России. «Утро помещика» наряду с другими толстовскими произведениями крестьянской тематики способствовало дальнейшей демократизации русского литературного языка.

1. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. — Т. 4.
2. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. — Т. 3.
3. Здесь и далее цитируем по изданию: Л. Н. Толстой. Собр. соч.: В 22 т. — М., 1979. — Т. 2.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1-4.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.